

ПОРТРЕТ
С ПЛЕИ
В ЧЕЛОСТИ
И ДРУГИЕ
ИСТОРИИ

HANNA KRALL
**PORTRET
Z KULĄ W
SZCZĘCE
I INNE HISTORIE**

ХАННА КРАЛЛЬ
ПОРТРЕТ
С ПУЛЕЙ
В ЧЕЛЮСТИ
И ДРУГИЕ
ИСТОРИИ

Перевод с польского Ксении Старосельской

издательство АСТ

Москва

УДК 821.162.1-92
ББК 84(4Пол)-44
К77

This publication
has been supported
by the ©POLAND
Translation Program

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Краль, Ханна

К77 Портрет с пулей в челюсти и другие истории / ХАННА КРАЛЬ; пер. с польского
К. СТАРОСЕЛЬСКОЙ — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-17-098823-5

Ханна Краль — знаменитая польская писательница, мастер репортажа, которую Евгений Евтушенко назвал “великой женщиной-скульптором, вылепившей из дыма газовых камер живых людей”. В настоящем издании собрано двадцать текстов, в которых рассказывается о судьбах отдельных людей — жертвы и палача, спасителя и убийцы — во время Второй мировой войны. “Это истории, — писал Рышард Капушинский, — адресованные будущим поколениям”.

Ханна Краль широко известна у себя на родине и за рубежом; ее творчество отмечено многими литературными и журналистскими наградами, такими как награда подпольной “Солидарности” (1985), награда Польского ПЕН-клуба (1990), Большая премия Фонда культуры (1999), орден *Ecce Homo* (2001), премия “Журналистский лавр” союза польских журналистов (2009), Золотая медаль “*Gloria Artis*” (2014), премия им. Юлиана Тувима (2014), Литературная премия г. Варшавы (2017).

УДК 821.162.1-92
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-098823-5

- © Hanna Krall, 2008
Taniec na cudzym weselu, © 1993 by Hanna Krall
Dowody na istnienie, © 1995, by Hanna Krall
Tam już nie ma zadnej rzeki, © 1998 by Hanna Krall
Afterword © 2000 by Ryszard Kapuściński
Laudatio for Hanna Krall held on the occasion
of the Samuel-Bogumil-Linde Award Ceremony, Göttingen, 2000
- © К. Старосельская, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ®

Содержание

Вторая мать	7
Эта из Гамбурга	21
Фантомная боль	34
Портрет с пулей в челюсти	70
Мужчина и женщина	97
Танец на чужой свадьбе	114
Дибук	176
Кресло	192
Горжетка	197
Дерево	203
Избавление	220
Гамлет	228
Любовь	276

Поля	287
Литература факта	303
Правнук	315
Другие истории	331
Жизнь	343
Случай	355
Умерла мать	361
 Рышард Капуцинский. <i>Вопреки отчаянию</i>	 376

Вторая мать

1.

Вот что мы знаем наверняка:

 девушка была немкой, и звали ее Гретхен;

 она жила в маленьком живописном городке
на берегу озера неподалеку от Грюнберга (Зелёна-
Гура);

 городок был занят Красной Армией в январе
1945 года;

 в сентябре сорок пятого Гретхен родила дочку,
которую назвала Маргарета;

 ребенок был плодом насилия, учиненного над
Гретхен армией-победительницей;

 два года спустя Гретхен родила вторую дочку;

 Гретхен со старшей девочкой уехали в Гер-
манию;

 младшую с собой не взяли;

 младшей дочери Гретхен было тогда четыре
месяца, и у нее было двустороннее воспаление
легких;

ее воспитали бездетные супруги — переселенцы из-за Буга.

Это все, что мы знаем, остальное — домыслы.

2.

Как выглядела Гретхен?

Судя по теперешней фотографии, она была красивая, правда, худенькая, небольшого роста. Ограда, у которой она стоит, судя по ирисам в палисаднике, невысокая, но ей по грудь.

На фотографии — пожилая дама с приятной улыбкой и светлыми волосами; стало быть, Гретхен была блондинкой.

Разве что волосы у пожилой дамы крашенные, но нет, вряд ли, глаза у нее тоже светлые.

Какие были глаза у Гретхен?

Голубые? Серые? Младшая дочка не помнит цвета глаз пожилой дамы, потому что, едва увидев ее, отвела взгляд. Та растерянно ей улыбалась, тогда младшая дочка все-таки посмотрела и уловила в глазах пани Гретхен что-то знакомое, что ей уже доводилось видеть. Соображать, что именно, не хотелось. Она мечтала лишь об одном — пусть первое за тридцать лет свидание с матерью поскорее закончится.

Вернувшись домой, гадала: что такого она заметила в глазах пожилой дамы?

К предположению мужа, что она увидела в них саму себя, собственные серо-зеленые глаза, отнеслась недоверчиво, ей это совсем не понравилось.

3.

Как звали младшую дочь Гретхен?

Отец (тот, что из-за Буга) принес домой сверток, в котором был младенец с воспалением легких, но без свидетельства о рождении.

Забугские родители назвали девочку Тересой.

Она носит это имя по сей день, но как ее зовут по-настоящему?

(ПО-НАСТОЯЩЕМУ? Почему имя, которое дала Гретхен, настоящее, а забугское — ненастоящее?)

Ну, хорошо. Хельга? Хильда? Доротея? Вальтер, ее муж, предлагает: Лотта. Гёте в Германии изучали в школе, но успела ли Гретхен до войны прочитать “Страдания юного Вертера”? После войны точно не могла, после войны были победоносные армии, вылавливание трупов и Маргарета. Мужчин в городке не осталось — погибли или оказались в советском плену. Остались женщины, и первым их занятием, когда фронт ушел, стало вылавливание мертвецов из окрестных рек и озер. Там, где жил Вальтер, будущий зять Гретхен, будущий муж Тересы, трупы плыли по реке Преголя¹. В окрестностях живописного городка они скопились в озере. Нет, “Страдания” отпадают, так что не Лотта.

¹ Преголя — река, впадающая в Балтийское море, точнее в Калининградский (Вислинский) залив. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)

А было ли вообще у младшей дочки Гретхен какое-нибудь имя?

Стоило ли давать имя на четыре месяца?

4.

Почему Гретхен оставила дочку в Польше?

Вальтер говорит, что наверняка не по злой воле, а, наоборот, из-за любви и страха.

Вальтер, сын Ульриха и Хильдегарды, брат Зигфрида и Хорста, родился в Вармии¹. Когда после войны их стали выселять, мать сказала: “Погодите, я посмотрю, как это выглядит” — и пошла на вокзал.

В одном из вагонов переполненного советского поезда она увидела женщину в меховой шубе. Под шубой женщина была совершенно голая; к груди прижимала мертвого ребенка. Протянув ребенка матери Вальтера, она сказала: “Похороните где-нибудь, хоть у насыпи”. Мать Вальтера попятилась и опрометью кинулась к своим детям. Кажется, какие-то люди взяли трупик и похоронили на кладбище, как полагается, хотя женщина повторяла: “Где-нибудь, хоть у насыпи”. Мать Вальтера примчалась домой, крикнула: “Мы отсюда не уедем!” Не снимая платка, достала из подпола остатки самогона и побежала к пану Липскому, ко-

¹ *Вармия* — историческая область на южном побережье Балтийского моря; с 1871 г. входила в состав Германии; по окончании Второй мировой войны разделена между Польшей и СССР.

торый, правда, был довоенным солтысом¹, но умел договариваться с новыми властями.

История Гретхен — заключает Вальтер — могла быть похожей. Переполненные вагоны, голод, мороз — и решение оставить больного ребенка у добрых людей. Решение, продиктованное любовью и отчаянием.

5.

Ей бы очень хотелось именно так думать о пани Гретхен. Что та не могла взять ее с собой. Что был голод, мороз...

6.

Восемнадцать лет она жила в безмятежной уверенности, что ее родители — переселенцы из-за Буга.

Однажды местный поэт, который работал на молокозаводе и читал ей свои стихи, сказал: “А знаешь, ты вовсе не их дочка”.

В те годы в Польше много было беззаботных местных поэтов, любивших не очень красивых девушек и стихи Стахуры², и она решила, что это

1 *Солтыс* — глава низшей территориальной единицы; избирается сельским сходом.

2 *Эдвард Стахура* (1937–1979) — польский поэт, прозаик, переводчик. Герой его произведений — странник, бродяга, сторонящийся городов и цивилизации; зачастую с ним отождествляли и самого Стахуру, прозванного в Польше Святым Франциском в джинсах.

выдумка поэта, зачем-то понадобившаяся ему для своих сочинений. Но на всякий случай спросила у матери: “Правда, что...” — а мать заплакала и сказала: “Гретхен... Ее звали Гретхен...”

Она не задала больше ни одного вопроса — ни тогда, ни позже. Возможно, пощадила мать, а может, по другим, не вполне ясным причинам. В ее жизни, впрочем, ничего не изменилось, разве что появилось ощущение какой-то недоговоренности. Все стало сомнительным, все могло быть чем-то иным, что-то иное означать и происходить совсем иначе.

Она бросила местного поэта.

Уехала из городка.

Закончила институт, вышла замуж и родила сына, которого назвала Игорем.

7.

Забугские родители не знали Гретхен — понятно было, что не от нее забугский отец принес домой сверток. Откуда принес, Тереса не знает, не спрашивала. Кто-то ему дал? Сам нашел? Может быть, сверток лежал у кого-то под дверью? Отец был почтальоном, ездил по деревням, ему могли сказать, что есть брошенный ребенок.

Может быть, это сказал пан Яцковский?

Пан Яцковский появился в жизни Тересы одновременно с пани Гретхен, когда ей было уже тридцать лет. Однажды забугская мать вызвала ее, сказав, что кто-то из Германии хочет с ними увидеться.

“Это Гретхен”, — сказала мать.

На следующий день в их городок на немецком автомобиле приехали две немецкие дамы, мать и дочь, обе элегантные, худощавые, с подкрашенными глазами, и старшая быстрым энергичным шагом подошла к забугской матери, медлительной, тучной и ненакрашенной. Что-то сказала. *Grüss Gott, zweite Mutter*. Они догадались, что́ это значит. “Здравствуй, вторая мать”. Дальше уже ничего не понимали. Все четверо стояли и смотрели друг на дружку, вернее, не четверо, а трое, потому что она старалась на немецких дам не глядеть. Вдруг пани Гретхен посмотрела на нее и улыбнулась. И тут-то она уловила в серо-зеленых глазах пани Гретхен что-то знакомое, что ей в жизни уже доводилось видеть.

На следующий день она поехала к людям, у которых остановились немецкие дамы; было это в деревне, неподалеку от городка.

Посреди залы стоял большой круглый стол, за столом сидели гости и пели немецкие песни.

Ее посадили между пани Гретхен и худой женщиной с морщинистым лицом, черными глазами и длинными темными волосами, заплетенными в косу. Ей сказали, что женщина с косой — акушерка, и она догадалась, что много лет назад та помогала пани Гретхен рожать дочек.

Людям за столом было весело, и они пели все громче.

Пани Гретхен ей что-то сказала, но она не поняла что́, поскольку было шумно, да и говорила пани Гретхен по-немецки.

— Что она говорит? — спросила у акушерки.

— Она говорит, что война — это ужасно, — вполголоса объяснила акушерка.

Пани Гретхен опять что-то сказала, чуть громче, и еще раз, и оказалось, что пани Гретхен повторяет одни и те же три или четыре слова: *Krieg ist schrecklich, Krieg ist schrecklich, Krieg ist...*

— Война — это ужасно, война — это ужасно, война... — переводила акушерка, хотя Тереса кивнула, что уже понимает.

Вот и все, что сказала пани Гретхен.

Тереса осталась у этих людей ночевать. Ее уложили под перину. Впервые в жизни она лежала под периной, ей было жарко, она открыла окно и увидела лес.

Выскочила из окна и побежала в лес.

В лесу она подумала: “Господи, что я вытворяю, мне тридцать лет, у меня пятилетний сын”, — повернула обратно, вошла через окно в комнату и до подбородка укрылась периной.

8.

Назавтра акушерка сказала, что умер пан Яцковский и что Тересе причитаются какие-то деньги.

Она впервые услышала фамилию Яцковский. Не спросила, кто он был и почему ей что-то от него причитается.

Акушерка пояснила, что это сбережения, которые пан Яцковский копил всю жизнь, их нашли у него под матрасом, и пусть она их себе возьмет.

— Это большие деньги, — переводила акушерка. — Гретхен говорит, что они принадлежат тебе.

— Не хочу никаких денег, — сказала она акушерке. — Пана Яцковского я не знаю. Попрошайтесь за меня с пани Гретхен.

9.

Про пана Яцковского известно немного. Он жил в деревне, бобылем, повесился, после его смерти под матрасом нашли большие деньги. Видимо, в связи с этой смертью пани Гретхен и пожаловала в Польшу.

Тереса не спросила у нее, как звали пана Яцковского. Не знает, чем он занимался при жизни и почему повесился. Не знает, почему пани Гретхен приехала на похороны. Не знает, где он похоронен. Не пробует докопаться, почему ей причитаются его деньги.

10.

Со смерти пана Яцковского прошло двенадцать лет. Пани Гретхен в их жизни больше не появлялась.

Вальтер, Тересин муж, говорит, что это она не со зла, а, наоборот, из деликатности. Чтобы не волновать, не бередить раны, не доводить до слез.

— А никто и не плакал, — поправляет его Тереса.

— Как никто? Мама не плакала?

— Нет. Спокойно поздоровалась, даже улыбалась...

— А ты? Неужели не заплакала? Нехорошо, — укоряет ее муж. — Неправильно. Надо знать, как себя вести в зависимости от ситуации. Появляется пропавшая мать, говорит Grüss Gott, значит, при встрече дочка должна всплакнуть.

— Я плачу, когда моя забугская мама поет виленские песни. “Пошла я на кладбище, к родимой на могилу, над нею залилася горячими слезами...”¹ — вот тут да, тут я заливаюсь слезами, но чтоб от Grüss Gott плакать?

11.

Вальтер говорит, что его жена впала в уныние: сидит и сокрушается. Потому что немка. Потому что не немка. Потому что...

— Одно очевидно, — говорит Вальтер. — Когда все уже из этой Польши уедут: поляки, немцы, евреи, литовцы... Когда останется пустыня, по которой ветер будет носить солому, обрывки газет и остатки духа коллективизма... Когда только два голоса прозвучат в пустоте — Ярузельского и Валенсы... “Есть тут кто?” — будут они кричать, потому что им захочется знать, остался ли кто-нибудь, кем можно управлять, и тогда отзовется тихонечко один-единственный голосок: “Я, я еще тут... Не закрывайте пока...” И это будет голос моей супруги, — заканчивает Вальтер.

1 Перевод М. Л. Михайлова.

12.

Семья Вальтера жила в Восточной Пруссии. Прадеды — в Крулевец¹, деды и бабушки, родители, тетки с детьми — в окрестностях Ольштына, в имении, на берегу Kośna Fluss — реки Косьна. Было еще Kośno Zee — озеро, но они жили над Fluss.

Первыми с берегов Косьны уехали три отцовские сестры, которых адмирал Дёниц² успел эвакуировать в Данию. Четвертая, младшая из сестер, Фрида с двухлетним сыном попала в Крулевец.

После теток уехал отец. Утопил в проруби винтовку, на последнем поезде добрался до Крулевца и пошел искать Фриду. Новые жильцы ее квартиры сказали, что Фрида с сыном умерли от голода во время осады. Отец спросил, где их могила, и тут выяснилось, что могилы у Фриды нет, потому что другие голодные разрезали трупы на куски, сварили суп и съели. Это были не русские, — успел рассказать кому-то из родственников отец до того, как солдаты армии-победительницы привязали его к двум лошадям, которых погнали в разные стороны. — И не поляки... Тетю Фриду и ее сына сварили и съели местные немцы...

1 Крулевец — польское название Кёнигсберга, центра немецкой провинции Восточная Пруссия (1773–1945 гг.); по решению Потсдамской конференции (1945 г.) северная часть Восточной Пруссии была передана СССР; в 1946 г. Кёнигсберг переименован в Калининград.

2 Карл Дёниц (1891–1981) — немецкий военный и государственный деятель, гросс-адмирал, с 1943 г. командующий военно-морским флотом Германии.

Потом началась депортация в Германию.

Потом — через тридцать лет после войны — в Германию уехал пан Липский, тот самый, благодаря которому мать Вальтера вычеркнули из списка депортируемых, потому что он, хоть и был довоенным солтысом, знал, как найти общий язык с новыми властями.

После пана Липского уехал сын пани Гловинской, их соседки, которая советовала маме Вальтера: “Ты, Хильдя, на польском молись, Матерь Божья по-немецки не понимает...”

После пана Гловинского уехал ксендз, который окрестил бабушку Вальтера, поскольку той во сне явился Бог. Высунулся из-за облака и с ней заговорил. “Mensch, — сказал, ибо, в отличие от Матери Божьей, немецкий язык знал: — человеце. Будь, человеце, католиком...” Бабушка рассказала про этот сон ксендзу Каминскому и умерла, скорее всего, от потрясения, а ксендз посмертно ее соборовал.

После ксендза Каминского уехала вторая бабушка, потому что отыскиались отцовские сестры, эвакуированные адмиралом Дёницею. Семидесятилетняя бабушка поехала к своему семидесятишестилетнему мужу, которого не видела тридцать лет. Взяла с собой большущий чемодан с землей со своего огорода; в чистеньком немецком садике выполола розы, высыпала свою землю, посадила картофель и морковь и вздохнула с облегчением: “Наконец-то, бедненький, поешь нормального овощного супу...” Когда муж умер, бабушка насыпала над его могилой холмик, но оказалось, что на немецком кладбище все

могилы должны быть плоскими. Администрация кладбища могилу разровняла, но бабушка пришла вечером с тачкой, с собственной землей — той самой, из огорода, — и снова насыпала холмик. Ночью могилу выровняли, а утром бабушка пришла со своей землей... Через пару недель администрация капитулировала, и с тех пор на современном немецком кладбище есть одна-единственная настоящая — потому что с холмиком — варминская могила.

После второй бабушки старший брат Вальтера Зигфрид сказал матери: “Ну, мама...” — и уехал.

После старшего брата уехала мать Вальтера. Соседка, пани Гловинская, та, что ей советовала: “Ты, Хильдя, на польском молись...”, и сотрудники школы, в которой мать, хотя уже вышла на пенсию, продолжала занимать служебную квартиру, говорили ей: “Небось в Германии этой вас не такая квартира ждет... Ну так что, пани Хильдегарда?”

После матери никто больше не уехал. Хорста, младшего брата, хватил инсульт, а Вальтер должен был обеспечить связью ушедшего в подполье деятеля “Солидарности”, потому что как раз ввели военное положение.

Когда Хорсту стало хуже, Вальтер сказал деятелю: “Извините, но я вынужден на несколько дней выйти из игры...” — и поехал к брату, который лежал без сознания, подключенный к аппаратам. Врачам Вальтер сказал, что считает жизнь без мозга недостойной человека. Похоронив Хорста над рекой Косьна, он вернулся к своему подопечному, который, лишившись связного, его ждал.

Когда деятель вышел из подполья, Вальтер встал в очередь за кухней “Талия”. Он стоял перед мебельным магазином восемь недель, днем и ночью, в стужу и ненастье, а когда кто-нибудь из очереди, сломавшись, вознамеривался уйти, восклицал с возмущением: “Дезертировать? Лишить себя воспоминаний? Эти фанерные ящики, конечно, мигом рассыплются, но гордость за то, что мы выстояли, сохранится в веках!”

Словом, в жизни не блага важны и не быт. В жизни, как учил философ Генрик Эльценберг¹, к трудам которого Вальтер сразу же вернулся, обретя кухонный гарнитур “Талия”, самое важное — дух.

1 *Генрик Эльценберг* (1887–1967) — польский философ, занимался в основном этикой, эстетикой и историей философии.